

Борис БРУК

«Что в имени твоём?»

Понимание патриотизма в России

Фото на обложке: Руслан Шумаков / ТАСС

Содержание

Введение	3
Что такое патриотизм?	5
Понимание патриотизма в России	7
Монополизация патриотизма	9
«Непатриоты» и «нелегалы».....	13
Поиски внешнего врага	16
Патриотизм: официальный и личный	17
Выводы	22
Библиография.....	23

Введение

Четверть века назад в своем знаменитом эссе «Конец истории?» (1989) Фрэнсис Фукуяма заявил, что мир достиг «конечного пункта идеологической эволюции человечества», а либеральная демократия стала «окончательной формой правления»¹. Эссе американского ученого было опубликовано в период, когда в Пекине на площади Тяньаньмэнь проходили демократические протесты, а в государствах Восточной Европы, Латинской Америки и странах, расположенных к югу от Сахары, шел процесс перехода к демократии. Эссе было написано за несколько месяцев до падения Берлинской стены и окончания холодной войны, что, в свою очередь, было неразрывно связано в распадом СССР и, как казалось, окончательным триумфом демократических ценностей.

Однако эйфория относительно торжества демократии и неизбежного «светлого будущего» длилась недолго. К середине 1990-х движение России в сторону демократии приостановилось, а скептицизм в отношении приверженности страны ранее выбранному курсу возрос. Все больше отдаляясь от идеологии либеральной демократии, Россия начала поиск альтернативной системы ценностей, которая могла бы стать основой для консолидации общества.

Со временем в основу официального дискурса легла идея о том, что Россия должна быть независимой великой державой, «оплотом всех консервативных сил», борющихся против революций, хаоса и «ложных либеральных ценностей», насаждаемых Европой и США (Zevelev, 2014). Одним из ключевых пунктов этого нарратива стал аргумент о том, что западный либерализм зашел в тупик, проект ЕС находится в кризисе, а США стоят на пороге распада (Салин, 2013). Либеральные идеи были представлены как западный продукт, чуждый национальному духу России, в основе которого, по мнению российского политического руководства, лежат идеи традиционного консерватизма.

По мнению «консервативного большинства», великий русский мир и русская цивилизация, простирающаяся за пределы российского государства, полностью отличаются от западной либеральной модели. Ранние попытки совместить различные идеологические установки не принесли успеха: «утопическая мечта горе-реформаторов 1990-х сделать великую Россию частью великой Европы была изначально обречена» (Таркин, 2012). То же самое относится и к попыткам совместить либерализм и консерватизм. Руководство России все чаще упирает на то, что западная модель демократии не просто провалилась, но и нанесла серьезный урон стране. По мнению социолога Владимира Шляпентоха, члены так называемого «лагеря реалистов», представляющего интересы Кремля, отмечают, что для России Запад является смертельной угрозой. По его словам, «вновь обращаясь к постулатам Сталина об осажденной крепости, они утверждают, что холодная война никогда не заканчивалась» и что россияне не только не хотят, но и не могут принять западные ценности и образ жизни (Шляпентох, 2005).

¹ Цит. по: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. Пер. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2004.

В 2000-е годы с призывами к отрицанию западных либеральных ценностей стали выступать известные политики, церковные лидеры, интеллектуалы и общественные деятели (Мальцев, 2012). В качестве антитезы западному либерализму был выдвинут патриотизм – концепция, которую власти стали использовать как объединяющий общество идеал, «разделяемую всеми идеологическую позицию».

По сути патриотизм был призван заполнить идеологический вакуум, возникший после распада СССР, консолидировать общество, возродить чувство национальной гордости, а также «спасти» Россию от западной идеологии. Идеи патриотизма были внедрены практически во все сферы общественной жизни. Однако с началом украинского кризиса понятие патриотизма приобрело новые, опасные черты, а грань между патриотизмом и ксенофобией в России стала постепенно стираться.

В рамках данного исследования мы решили изучить, как сегодня различные общественные группы на самом деле понимают патриотизм. Эмпирической базой этой работы служат результаты опросов общественного мнения, проведенных «Левада-центром» по заказу ИСП. Вопросы о патриотизме, разработанные аналитиками ИСП в сотрудничестве с социологами «Левады», были включены в три omnibusных опроса, проходивших в период с февраля 2014-го по март 2015 года.

Что такое патриотизм?

Термины «патриот» и «патриотизм» были заимствованы в эпоху Петра I из французского языка, в котором слово *patriote* означало «соотечественник». Некоторые исследователи раннего российского патриотизма называют «настоящим патриотом» русского царя, который также обозначался как «отец старого и творец нового Отечества» (Viroli, 1995). В русском, а также английском языках термин «патриотизм» имеет положительную смысловую нагрузку. Американский философ Стивен Натансон (1993) так определяет патриотизм:

«Большинство людей считают, что патриотизм является ценным качеством. Формирование патриотизма можно только приветствовать. Как правило, граждане ожидают друг от друга патриотического отношения к своей стране. Многие полагают, что граждане должны оказывать поддержку и заботиться о своей стране; они рассматривают патриотизм как добродетель».

Его шотландский коллега Аласдер Макинтайр (1984) связывает патриотизм с проявлением верности и ставит его в один ряд с такими добродетелями, как любовь к семье, супружеская верность, дружба и др. Профессор Принстонского университета Маурицио Вироли (1995) также отмечает, что патриотизм является своего рода моральным обязательством:

«У нас есть моральное обязательство перед своей страной, потому что мы находимся перед ней в долгу. Мы обязаны ей жизнью, она дала нам образование, язык и в наиболее благоприятных случаях свободу. Если мы хотим быть моральными людьми, мы хотя бы частично должны вернуть долг, служа общему благу».

Наиболее распространенное массовое определение патриотизма – «любовь к своей стране». И в этом контексте одна из важнейших характеристик патриотизма – «готовность и способность [гражданина] к активным действиям во имя блага отечества» (Иванова, 2013).

Профессор Тель-Авивского университета Даниэль Бар-Таль отмечает, что патриотизм «определяет степень любви и гордости за страну» и включает в себя чувство «органической принадлежности» к отечеству, общности и народу (Bar-Tal, 1993; Шаповалов, 2008). Патриотизм также предполагает «приверженность национальным ценностям вкупе с критическим взглядом на действительность», заботу об окружающих, уважение человеческого достоинства, усилия, направленные на повышение уровня благосостояния в стране (Адорно, 1950; Шаповалов, 2008). Бар-Таль пишет, что «подлинный» патриотизм «безусловен, он не зависит от правящего режима, проводимого политического курса, доминирующей идеологии или ценностей» (Bar-Tal, 1993). По [словам](#) Джереми Смита, редактора онлайн-журнала *Greater Good* Калифорнийского университета в Беркли, патриотизм приводит к укреплению социальных связей между гражданами и развитию чувства уважения и сострадания.

В ряде теоретических исследований «подлинный», или «истинный» патриотизм зачастую противопоставляется «ложному», или «псевдопатриотизму». Немецкий социолог Теодор Адорно (1950) определяют «псевдопатриотизм» как «слепую приверженность определенным национальным культурным ценностям, некритическое отношение к доминирующим тенденциям и восприятие представителей других наций в качестве чужаков». В этом смысле патриотизм может служить как положительной, так и резко отрицательной силой. В последнем случае идея патриотизма может быть, например, монополизирована какой-либо группой для достижения собственных целей (Bader, 2006).

Монополизация идеи патриотизма может привести к «устранению комплексности и многозначности» дискурса (Johnston, 2007), в результате чего рациональная критика становится невозможна, а мнения, насаждаемые сверху, приобретают все большее влияние (MacIntyre, 1984).

Понимание патриотизма в России

В своей статье «Христианство и патриотизм» Лев Толстой размышлял над негативной стороной патриотизма, приравнивая его к рабству. Он также отмечал, что «патриотизм есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей».

Критический взгляд на свою страну идет вразрез с тем, что Петр Чаадаев в своих «Философических письмах» называл «блаженным патриотизмом», «патриотизмом лени»:

«Я люблю свою страну ... Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной ... Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы».

Интересным аспектом изучения патриотизма является противопоставление «нас» и «их», при котором патриотизм приобретает «негативные черты национализма», такие как ксенофобия и нетерпимость по отношению к «чужакам» (Taras, 2008). Как отмечают эксперты в своих [дискуссиях](#) о патриотизме, часто «когда говорят “наши”, сразу подразумевают, что существуют “не наши”. Сразу начинается поиск врага народа». Возникает логичный вопрос: можно ли одновременно развивать дух патриотизма и культуру толерантности?

Попытки ответить на этот вопрос можно найти еще в трудах русских писателей и философов XIX века. Например, в трактате «Оправдание добра» Владимир Соловьев пишет о враждебности к представителям других национальностей, которая несовместима с понятием «истинного патриотизма»:

«... Каким же образом истинный патриот может ради предполагаемой “пользы” своего народа разрывать солидарность с другими, ненавидеть или презирать чужеземцев? Если сам народ видит свое настоящее благо в благе всеобщем, то как же патриотизм может ставить благо своего народа как что-то отдельное и противоположное всему другому?».

Соловьев считал, что русские «должны любить все народности, как свою собственную», описывая патриотизм как «естественное и основное чувство, как «прямую обязанность лица к своему ближайшему собирательному целому».

Задумывался над этой проблемой и Федор Достоевский. В своей «Пушкинской речи» он заметил:

«Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите».

В своем эссе «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» Николай Добролюбов отмечал, что «настоящий патриотизм как частное проявление любви к человечеству не уживается с неприязнью к отдельным народностям». Патриотизм в представлении Добролюбова является глубоко личным и бессознательным чувством.

Историк Александр Янов отмечает, что в то время, когда было написано это эссе, Русская идея (национализм) в России была практически отождествлена с патриотизмом. Царизм использовал идеи патриотизма для консолидации власти в стране.

В современной России патриотизм снова предстает как консолидирующая основа – на этот раз для режима Владимира Путина.

Монополизация патриотизма

В ноябре 1999 года на встрече с ректорами ведущих российских университетов Владимир Путин, на тот момент являвшийся премьер-министром, подчеркнул важность внедрения новой общественной идеологии, основанной на патриотизме. По мнению Путина, после распада Советского Союза в стране «образовался идеологический вакуум – одна идеология была утрачена и ничего не было предложено взамен».

В декабре того же года в своей программной статье «Россия на рубеже тысячелетий» Путин отметил важность российских традиционных ценностей, таких как патриотизм, державность, государственничество и социальная солидарность. Также он сообщил, что Россия была и останется великой страной: «Россия не скоро станет, если вообще станет, вторым изданием, скажем, США или Англии, где либеральные ценности имеют глубокие исторические традиции». Уже став президентом, в интервью индийским СМИ в 2000 году Путин заявил: «Все то, что делает нас нацией, все то, что делает нас своеобразным народом, отличающимся от других народов, и все то, чем мы гордимся, все это и будет лежать в основе [национальной] идеи».

С первых дней президентства Путин получил немало похвал в свой адрес за «патриотическую позицию». В марте 2000 года в ответ на вопрос, кто является лидером российских патриотических сил, Дмитрий Рогозин, который в то время был председателем народно-патриотического движения «Конгресс русских общин», заявил: Владимир Владимирович Путин.

Однако, как отмечает историк Сергей Пантелеев, в современной России использование государственно-патриотической риторики началась еще до прихода к власти Путина. Первый президент России Борис Ельцин неоднократно говорил о едином и неделимом российском государстве, реинтеграции евразийского пространства, необходимости усвоения исторического опыта страны, дальнейшего развития и обогащения национальных традиций и ценностей. Путин, который в других вопросах дистанцировался от ельцинского наследия, продолжил и укрепил идеи возрождения России на национально-патриотических началах (Пантелеев, 2004).

Одной из первых инициатив правительства в 2000-е годы стала разработка государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы». Ее главным разработчиком и координатором выступил Российский государственный военный историко-культурный центр при правительстве Российской Федерации (Росвоенцентр).

Авторы программы акцентировали внимание на актуальности своей работы в свете последних событий, не конкретизируя, о чем конкретно идет речь. Однако можно догадаться, что они имели в виду 1985-1999 годы. Анатолий Рапопорт, профессор социологии Университета Пердью, отмечает, что авторы программы связывали снижение значимости патриотизма в этот период с дегероизацией российской истории, принижением российского национального достоинства, возвышением общечеловеческих ценностей над национальными, недостаточным вниманием к военной подготовке и деидеологизацией российской молодежи (Rapoport, 2009).

Патриотическое воспитание как основа консолидации общества и укрепления государства было выдвинуто авторами программы на первый план. Организацию системы патриотического воспитания и контроль над ней предполагалось закрепить за государством.

В 2002 году в рамках реализации программы решением министерства образования РФ было создано новое государственное учреждение – Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи (Роспатриотцентр). Его миссией стало «формирование [у граждан] высокого патриотического сознания, развитие чувства любви и верности своей Родине, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов своей страны».

Развитие системы патриотического воспитания предполагалось координировать на федеральном, региональном и местном уровнях, причем охватить необходимо было все социальные и возрастные группы населения. Как пишет Дуглас Блум, профессор Провиденс-колледжа, использование принципа «сверху вниз» в сочетании с государственным контролем должно было придать системность пропагандистским усилиями «великой державы», чтобы противодействовать антипатриотичным взглядам «так называемых либерально настроенных СМИ» (Blum, 2006).

Ряд исследователей также отмечают, что за относительно короткий срок понимание патриотизма изменилось: патриотизм стал восприниматься как «неотъемлемая часть появления сплоченной и самоуверенной России», своего рода «идеологическая позиция», разделяемая большинством. Также в обществе появилась «патриотическая элита». Те, кто не разделял патриотическую линию, были старательно делегитимизированы и «изгнаны с общественной сцены» (Laruelle, 2009; Horvath, 2012).

В 2012 году, сразу после возвращения Путина на третий президентский срок, пропаганда патриотизма возродилась с новой силой. Как отмечала *The New York Times* в 2012 году, «Путин продвигает патриотизм для решения проблемы единения нации... После волны опасных уличных протестов Путину понадобилась идеология или некая великая идея, способная сплотить страну вокруг его власти». По оценке французского историка Марлен Ларюэль, Кремль стремился «мобилизовать население на поддержку государства, одновременно ограничивая политические свободы» (Laruelle, 2009). Массовые протесты декабря 2011 – мая 2012 гг. привели к событиям, которые Human Rights Watch (HRW) назвала «беспрецедентным наступлением на гражданское общество».

На пресс-конференции в Москве заместитель директора HRW по Европе и Средней Азии Рэйчел Денбер заявила, что «после так называемых “цветных революций” российские власти стараются маргинализировать, очернить и дискредитировать оппозиционных политиков, правозащитников [и] организации гражданского общества...» Озабоченность правозащитников вызывали также новые законы и ограничительные поправки, в том числе в закон о митингах, закон о НКО, согласно которым некоторые из некоммерческих организаций получили статус «иностранный агент», а также возвращение уголовной ответственности в закон о клевете.

В сентябре 2012 года российский президент провел совещание в Краснодаре, где главной темой обсуждения стали ценности и моральные основы будущего России. По [словам](#) Путина, «культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные коды – это сфера жесткой конкуренции, порой объект открытого информационного противоборства». «Мы должны строить свое будущее на прочном фундаменте. И такой фундамент – это патриотизм», – заявил Путин.

Еще через месяц Путин подписал указ о создании управления администрации президента РФ по общественным проектам. Основной целью управления стало укрепление духовно-нравственных основ общества и улучшение государственной политики в области патриотического воспитания. Реакция на это предложение была неоднозначной. Например, по [словам](#) политолога Дмитрия Бадковского, таким образом президент пытался обратить внимание на важность идеологии патриотизма: «Основной смысл подобного управления – то, что энергия общества должна быть максимально использована для развития страны, в интересах страны. А патриотическая идеология объединит всех вокруг этих задач развития. Вот смысл этого решения». Однако, по мнению оппозиции, новое управление стало прототипом отдела агитации и пропаганды времен СССР, а его создание – еще одним эпизодом «закручивания гаек» и атак на политическое инакомыслие в стране.

Термины «патриотизм» и «духовность» стали ключевыми в президентском [послании](#) Федеральному Собранию 2012 года. По мнению Путина, перед лицом внутренних и внешних угроз для объединения общества нужны «духовные скрепы», и именно патриотизм может стать консолидирующей базой политики страны. Эту идею с энтузиазмом поддержало «путинское большинство». Так, председатель думского комитета по безопасности и координатор патриотической платформы «Единой России» Ирина Яровая, заявила, что послание Путина было «пронизано национальной идеей патриотизма». По ее [словам](#), «Патриотизм действия – наша общая национальная идея».

Для стимулирования патриотических чувств были выдвинуты различные методы. Например, молодые активисты из Комиссии по патриотизму Молодежной коллегии при губернаторе Санкт-Петербурга предложили ввести обязательную клятву при получении российского паспорта. Заместитель председателя комитета Государственной думы по энергетике Олег Михеев выступил с идеей «законодательно защитить патриотические чувства россиян от провокаций и оскорблений», направленных против страны. По мнению Михеева, оскорбление патриотических чувств может быть приравнено к экстремистской деятельности, наказуемой лишением свободы сроком до пяти лет. Примером оскорбления патриотических чувств может служить так называемый «альтернативный взгляд на историю». Как [заявил](#) Михеев, «некоторые публицисты доходят до рассуждений о том, что, дескать, как жаль, что культурные немцы не завоевали дикий Советский Союз!»

В 2015 году министр культуры Владимир Мединский и вице-премьер Дмитрий Рогозин [подписали](#) заявление в поддержку патриотического интернета, радио, телевидения, книг, выставок и даже видеоигр. В заявлении говорится о необходимости «консолидации государства и общества на основе ценностей, привитых нашей историей», а также «патриотического тренда в общественном сознании».

В России патриотизм часто ассоциируется с победой в Великой Отечественной войне. Для большинства россиян события военных лет сегодня служат напоминанием об огромных жертвах и героизме народа, остановившего фашизм. Неудивительно, что и этот аспект патриотизма был в итоге монополизирован властью. Причем в определенный момент политическое руководство страны стало нетерпимо относиться к тем, кто выступал с заявлениями «непатриотического характера» и подвергал сомнению правильность решений советского руководства во время войны. Ярким примером такого отношения может служить конфликт вокруг телеканала «Дождь».

В январе 2014 года на сайте «Дождя» был опубликован провокационный опрос, приуроченный к 70-летней годовщине снятия блокады Ленинграда. Зрителям было предложено ответить на вопрос: «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?» Общественная реакция на опрос оказалась неожиданной. На телеканал обрушился шквал критики, звучали обвинения в оскорблении священной памяти о жертвах войны. Спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко [назвала](#) произошедшее «кощунств[ом] в русле фальсификации итогов Второй мировой войны, попыток реабилитации тех, кто ее развязал и отвечает за миллионные жертвы». Депутаты законодательного собрания Санкт-Петербурга [призвали](#) генпрокурора России Юрия Чайку провести расследование и принять «соответствующие меры», вплоть до закрытия телеканала. Крупнейшие операторы кабельного телевидения заявляли о расторжении контрактов с «Дождем».

В ответ на обвинения телеканал провел патриотический марафон «Любить Родину». В сообщении на сайте «Дождя» [говорилось](#) следующее: «Мы не хотим, чтобы понятие “патриотизм” оказалось монополизированным. Не хотим, чтобы его смешивали с лояльностью власти. Чем больше ты любишь свою страну, тем больше ты переживаешь за нее. Тем больше возникает вопросов».

В ходе дискуссии, развернутой во время патриотического марафона, главный редактор журнала «Новое литературное обозрение» Ирина Прохорова также [говорила](#) о попытках власти монополизировать идею патриотизма: «Есть люди, обличенные властью, привилегиями, которые лучше всех знают, что значит любить Родину, нам и указывают..., [а те, кто не согласен] волей-неволей оказываются не патриотами или не гражданами». С ней согласился председатель Совета по развитию гражданского общества и правам человека Михаил Федотов, отметивший, что в России достаточно распространено мнение, что критики режима являются «непатриотами», что, по его мнению, не соответствует действительности.

«Непатриоты» и «нелегалы»

Со временам в группу «непатриотов» попали не только те, кто, по мнению властей, пытались реабилитировать нацизм, но и оппоненты режима и критики официальных патриотических идеалов в целом. Так, известный рок-музыкант Андрей Макаревич подвергся обструкции после подписания антивоенной петиции и участия в концерте для детей-беженцев из Донецка и Луганска. Телеканал НТВ представил Макаревича как предателя, друга и пособника украинской «фашистской хунты». Его лицо было также изображено на плакате, ненадолго появившемся на фасаде Московского дома книги, с надписью «Пятая колонна: чужие среди нас».

В ходе украинского кризиса государственные СМИ преподнесли аннексию Крыма как возвращение территории, потерянной в советское время, и необходимый шаг для защиты этнических русских, проживавших на полуострове. Параллельно в информационном потоке усиливалась националистическая и патриотическая риторика, стимулировавшая чувства национальной гордости и единства перед лицом общего врага. В общественном сознании ситуация на Украине, таким образом, была связана с событиями Второй мировой войны. Играя на патриотических чувствах и апеллируя к идее возвращения России статуса великой державы, власть смогла мобилизовать и консолидировать широкую общественную поддержку.

Разговор о патриотах и «непатриотах» можно рассматривать как часть более общей дискуссии о так называемых «чужаках» – социальных группах и индивидах, якобы угрожающих социальной и политической стабильности и благосостоянию страны. Ряд исследователей отмечают, что ксенофобия и неприятие «чужаков» – основные идеи, вокруг которых объединяются различные общественные группы. Как, например, показало [исследование](#) Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ), по политическим взглядам российское общество разделяется на четыре течения: либеральное, левое, националистическое и провластное. Сегодня недовольство текущим положением дел в стране нарастает среди представителей всех течений, и власть рассматривается в лучшем случае как меньшее из зол. Более того, весьма немногие верят в то, что в ближайшее время ситуация может улучшиться. Однако ксенофобия, часто сопровождаемая требованиями социальной справедливости, является основной идеей, которую разделяют представители всех четырех течений.

Формирование негативного отношения к «чужакам», как правило, не связано с личным опытом граждан, являясь результатом давления сверху или перераспределения социального напряжения. Давление может оказываться различными способами, в том числе через СМИ, систему образования, литературу и т. д., а скорость, с которой спущенные по вертикали установки достигают адресатов, часто достаточно высока. Один из примеров – то, как быстро меняется отношение россиян к традиционно дружественным странам, Украине и Грузии. Как отмечает Шляпентох, во время российско-грузинского конфликта в 2008 году за кратчайшие сроки обе страны были превращены во врагов. Согласно опросам 2009 года, 62% россиян назвали основным врагом России Грузию, 41% – Украину. С изменением политического курса и риторики изменились и общественные настроения. Спустя несколько лет процент опрошенных, оценивших свое отношение к Грузии как «хорошее» и «очень хорошее», повысился с 16% в сентябре 2008 года до 48% в июле 2013-го.

Интерес представляет также игра режима Путина на антиамериканских настроениях в российском обществе. По оценкам Шляпентоха, в 2012 году антиамериканизм стал «одной из основных характеристик политики Кремля» и «открыто... одной из опор официального патриотизма». Так, российские власти обвинили США и Хиллари Клинтон, на тот момент занимавшую должность госсекретаря, в поддержке протестов в России с целью повторить сценарий «цветной революции». Назначение Майкла Макфола на должность посла США в России якобы было частью этого сценария. Из идеолога и архитектора «перезагрузки» Макфол неожиданно превратился в «специалиста по “оранжевым революциям”». Ему также **вменили** то, что якобы «в рамках программы по подготовке “оранжевой революции” в России в 2010 году [...] он отправил [Алексея] Навального в Йельский университет на учебу по всемирной стипендиальной программе».

По **мнению** директора «Левада-центра» Льва Гудкова, в 2000-е годы в российском обществе сформировался существенный «дефицит идей развития», сопровождавшийся ростом общественного недовольства, что наиболее остро проявилось в конце 2010 – начале 2011 года. Как отмечает Гудков, власти нашли возможность нейтрализовать напряжение, переключив его «в рутинные формы массовой ненависти к “врагам”», среди которых оказались как представители других наций, так и другие внутренние и внешние «чужаки» – их список регулярно пополнялся. Как **отмечает** политолог и этнограф Эмиль Паин, россияне «одинаково плохо относятся ко всем чужим, независимо от того, приехали они из-за океана или из соседнего региона», и дружба если и возможно, «то только против кого-то».

После конфликтов 2013 года с участием нелегальных мигрантов на **Матвеевском рынке** и **Бирюлево** в Москве началась кампания по борьбе с нелегальной миграцией. Правозащитники называли происходящее «антимигрантской истерией» и обвиняли власти в «циничной манипуляции общественным сознанием» в собственных целях. Кампания сопровождалась рейдами полиции и организацией лагерей для тысяч «нелегалов» из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана.

Риторика «защитного национализма», порожденного травмой от распада советской империи, **превратилась** в «чувство враждебности по отношению к другим национальностям». В отличие от 1990-х годов, когда ксенофобские лозунги звучали только среди представителей маргинальных групп, в 2013-м ксенофобия стала частью приемлемого дискурса среди бюрократии и провластных групп, **отмечает** Лев Гудков.

Осенью 2013 года тема нелегальной миграции стала одной из ключевых в предвыборной кампании всех кандидатов в мэры Москвы. В то время позиция врио мэра столицы Сергея Собянина была вполне **однозначна**:

«Считаю, что Москва – российский город и такой она должна оставаться. Не китайским, не таджикским и не узбекским... Людям, которые плохо говорят по-русски, у которых совершенно другая культура, лучше жить в своей стране. Поэтому мы не приветствуем их адаптацию в Москве. Я считаю, что, скорее всего, это сезонные рабочие, которые, поработав, должны ехать к своим семьям, в свои дома, в свои страны».

Схожие настроения охватили российское общество в целом. В 2013 и 2014 годах в рейтинге национальных угроз ВЦИОМ заселение страны мигрантами считалось наиболее существенной угрозой для страны. А результаты исследования фонда «Общественное мнение» (ФОМ) показали, что практически две трети россиян «относятся с настороженностью к трудовым мигрантам». За пределами Москвы и Санкт-Петербурга около 65% опрошенных оказались сторонниками жестких ограничений против приезда мигрантов на территорию России.

Опрос, проведенный «Левада-центром» по заказу Института современной России в феврале 2014 года, показал, что, по мнению трети россиян, лица «нерусских национальностей» виновны во многих бедах России. Аналогичным образом на вопрос, какой политики должно придерживаться правительство в отношении мигрантов, 73% респондентов ответили, что правительство «должно пытаться ограничить приток приезжих».

Поиски внешнего врага

Однако с развитием украинского кризиса негативные чувства и агрессия по отношению к приезжим пошли в России на спад, антимигрантская риторика оказалась практически вытеснена с повестки дня. В 2014 году, впервые за долгое время, опросы общественного мнения зарегистрировали падение уровня антимигрантской ксенофобии. Если осенью 2013 года 66% россиян поддерживали слоган «Россия для русских», то к лету 2014 года их число снизилось до 54%. Другой пример: количество россиян, считавших, что в ближайшее время могут пройти массовые протесты на национальной почве, снизилось с 62% в октябре 2013 года до 24% в июле 2014-го. Осенью 2013 года 43% россиян говорили о напряженных отношениях с представителями других национальностей. К лету 2014 года этот показатель снизился до 23%.

Однако, по мнению социологов, данная динамика стала результатом не роста позитивного восприятия, в усилившегося безразличия в обществе. Параллельно появились новые объекты ксенофобии – например, «украинская фашистская хунта». Более того, растущее число россиян считают, что, как и в советскую эпоху, страна сегодня является «осажденной крепостью», угроза для которой исходит с Запада и Востока. Как отмечает польский историк Михаил Хеллер в своей работе «Машина и винтики. История формирования советского человека», в «осажденной крепости важную роль играют страх и ненависть по отношению к внешнему врагу, который окружил бастион, подрывает его стены и угрожает безопасности дома и жизням людей» (Heller, 1988).

Согласно опросам «Левада-центра», с усугублением украинского кризиса летом 2014 года негативное отношение россиян к США достигло исторического максимума – 74%. Недовольство Украиной выразили 55% опрошенных, Европейским союзом – 60%. В то же время рейтинг популярности российского президента вырос до 86%, а поддержка российского правительства – до 60%. Это одни из самых высоких показателей в современной российской истории.

При анализе этих данных напрашивается сравнение с общественными настроениями, сложившимися в ходе российско-грузинского конфликта. В 2008 году одобрение россиянами руководства страны достигло пиковых показателей с момента распада Советского Союза. Рейтинг одобрения Путина поднимался до уровня 88%, в то время как отношение к США, ЕС, Украине и Грузии упало до самых низких показателей за все время проведения опросов.

Стоит также отдельно отметить, что все большее число российских граждан видят уникальность российской формы правления и ее отличие от западных систем. Так, по мнению 55% россиян, единственной формой демократии, приемлемой для России, может быть только «совершенно особая, соответствующая национальным традициям и специфике» демократия. По мнению почти половины россиян (49%), самым большим достижением Владимира Путина за время его пребывания на посту президента стало возвращение России статуса великой державы. Сегодня, по мнению 68% опрошенных, Россия играет значительную роль в решении международных проблем (57% считают, что государство играет довольно важную, а 11% – что решающую роль).

Патриотизм: официальный и личный

С 2014 года усиление антизападных настроений сопровождалось в России ростом патриотизма. Так, во время проведения Олимпийских игр в Сочи зимой 2014 года 81% россиян отметили рост своих патриотических чувств, которые только усилились после присоединения Крыма. 88% заявили, что возвращение Крыма вызвало у них положительные эмоции: одобрение, гордость за страну, чувство торжества справедливости, радость.

Присоединение Крыма также сопровождалось «возрождением имперских чувств» в российском обществе. Так, в марте 2014 года на вопрос «о чем, по вашему мнению, прежде всего свидетельствует присоединение Крыма к России» 79% россиян ответили: «о том, что Россия возвращается к своей традиционной роли великой державы, утверждает свои интересы на постсоветском пространстве». Стоит отметить, что именно возвращения России «статуса великой, уважаемой державы» ждали от будущего президента более половины россиян: 55% – в 2000 году и 58% – в 2004-м.

Осенью 2014 года, согласно опросам, 63% россиян констатировали, что Россия вернула себе статус великой державы. К марту 2015 года их число увеличилось до 68%, что является максимальным показателем за период, начиная с 1999 года.

Стремление к статусу великой державы не единственный компонент российского патриотизма. Для более глубокого понимания того, каковы чувства отдельных людей в отношении патриотизма и отличаются ли они от правительственной линии, проанализируем результаты опросов, проведенных «Левада-центром» по заказу Института современной России. Опросы были проведены в период с 21 по 25 февраля и с 24 по 27 октября 2014-го, а также с 13 по 16 марта 2015 года по всероссийской репрезентативной выборке городского и сельского населения среди 1603 человек старше 18 лет в 130 населенных пунктах 45 регионов страны.

Согласно полученным данным, для 64% россиян патриотизм прежде всего ассоциируется с «любовью к своей стране». Около 29% респондентов считают, что патриотизм означает «работать / действовать во благо или для процветания своей страны». В течение года этот показатель оставался относительно стабильным: в феврале 2014 года так считало 27% респондентов, в октябре 2014-го – 30%. В 2015 году наблюдался значительный рост числа сторонников этой точки зрения, прежде всего среди нескольких россиян с высоким потребительским статусом (рост с 25% до 47%) и жителей Москвы (с 26% до 42%). При этом практически не изменилось число россиян, которые считают, что патриотизм включает в себя усилия «стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее». Такое мнение высказали 22% опрошенных в феврале 2014-го, 26% – в октябре 2014-го, 21% – в марте 2015-го.

С февраля по октябрь 2014 года число граждан, утверждающих, что патриотизм предполагает защиту страны от «любых нападков и обвинений», выросло с 18% до 26%. Этот показатель является самым высоким с 2000 года. Наиболее значительный рост был отмечен в городах с населением от 500 тыс. человек (с 15% до 32%).

Также в 2014-2015 годах наблюдался рост числа россиян, связывающих патриотизм с верой в то, что своя страна «лучше, чем другие страны»: с 16% в феврале 2014 года до 21% в марте 2015-го. (Таблица 1).

Таблица 1. Что, по вашему мнению, значит быть патриотом?

		2014 (февраль)	2014 (октябрь)	2015 (март)
1.	Любить свою страну	68	57	64
2.	Работать / действовать во благо / для процветания страны	27	30	29
3.	Защищать свою страну от любых нападков и обвинений	18	26	26
4.	Стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее	22	26	21
5.	Считать, что твоя страна лучше, чем другие страны	16	20	21
6.	Говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была	11	11	12
7.	Считать, что у твоей страны нет недостатков	5	6	6
8.	Нет ответа / затрудняюсь ответить	4	3	2

Источник: опросы ИСП и «Левада-центра»

Как мы уже упоминали ранее, российские лидеры всячески поощряли укрепление патриотизма в российском обществе по принципу «сверху вниз». Сегодня власти стремятся к еще более широкой монополизации идеи патриотизма и закреплению за собой права определять «истинный» патриотизм. Однако подавляющее большинство россиян не соглашается с официальной позицией. Так, в марте 2015 года, 86% опрошенных отмечали, что патриотизм является «глубоко личным чувством», которое нельзя предписать сверху. При этом под сомнение ставилась руководящая роль государства в этом вопросе: лишь 9% опрошенных заявили, что определение понятия «патриотизм» находится в руках государства (Таблица 2).

Таблица 2. С каким из следующих мнений по поводу патриотизма вы бы скорее согласились?

1.	Патриотизм – это глубоко личное чувство, человек сам определяет, что патриотично, а что нет	86
2.	Определять, что патриотично, а что нет, должно государство	9
3.	Затрудняюсь ответить	5

Источник: опросы ИСП и «Левада-центра»

Несмотря на созданный властью миф о том, что критики режима непатриотичны, большинство россиян придерживается противоположной точки зрения. 81% респондентов считает, что можно критиковать власть и при этом быть патриотом (Таблица 3). Также, по мнению более половины опрошенных, патриотизм вовсе не обязательно означает поддержку власти (59% согласились с этим утверждением в марте 2015 года). Но нужно отметить, что в период с февраля по октябрь 2014 года число респондентов, в той или иной степени согласившихся с мнением, что «патриот должен поддерживать власть, какой бы она ни была», возросло с 23% до 34%. К марту 2015 года этот показатель несколько снизился и сегодня составляет 30% (Таблица 4). Данная тенденция была отмечена во всех группах респондентов, независимо от места проживания или уровня образования.

Таблица 3. Какая из следующих точек зрения вам ближе?

		2014 (февраль)	2014 (октябрь)	2015 (март)
1.	Тот, кто критикует действия властей, не может считаться патриотом своей страны	11	15	12
2.	Можно критиковать действия властей и при этом быть патриотом своей страны	82	76	81
3.	Затрудняюсь ответить	8	10	7

Источник: опросы ИСП и «Левада-центра»

Таблица 4. Согласны ли вы с мнением, что «патриот должен поддерживать власть, какой бы она ни была»?

		2014 (февраль)	2014 (октябрь)	2015 (март)
1.	Определенно согласен	4	8	6
2.	Скорее согласен	19	26	24
3.	Скорее не согласен	41	37	40
4.	Определенно не согласен	24	17	19
5.	Затрудняюсь ответить	12	13	11

Источник: опросы ИСП и «Левада-центра»

Одним из элементов патриотизма является гордость за свою страну. Согласно нашему опросу 2015 года, россияне в основном гордятся историей своей страны (43%), ее богатыми природными ресурсами (41%), культурой (34%), спортивными достижениями (32%), размерами (31%), положением на международной арене (24%) и вооруженными силами (24%). Чувство гордости, связанное с большинством из этих показателей, за изучаемый период оставалось стабильным, однако число респондентов, выразивших гордость российской историей и культурой, выросло более чем на 5%, а вооруженными силами – на 10%.

Крайне мало число россиян, ценящих социальные и экономические достижения страны. В 2015 году только 2% респондентов заявили, что гордятся российской системой здравоохранения, 6% – системой образования. Всего лишь 5% россиян гордятся экономическими достижениями государства и 7% – своими соотечественниками. Это тревожные тенденции: как показывают аналогичные исследования в США, чувство национальной гордости «неразрывно связано с позитивным восприятием окружающих», и «если человек не доверяет окружающим... он с меньшей вероятностью проявит позитивные чувства по отношению к стране в целом...» (Amoedo, 2013).

Таблица 5. Что прежде всего внушает вам чувство гордости за Россию?

		2014 (февраль)	2014 (октябрь)	2015 (март)
1.	Российская история	38	39	43
2.	Природные богатства России	39	40	41
3.	Российская культура	29	30	34
4.	Спортивные достижения	29	33	32
5.	Размеры страны	28	28	31
6.	Положение России на международной арене	24	26	24
7.	Вооруженные силы	14	24	24
8.	Современные достижения российской науки	14	16	15
9.	Сотраждане	8	8	7
10.	Система российского образования	5	6	6
11.	Экономические успехи	5	6	5
12.	Система здравоохранения	2	2	2
13.	Ничего из перечисленного	7	3	3
14.	Затрудняюсь ответить	6	3	3

Источник: опросы ИСП и «Левада-центра»

Выводы

Исследования российского патриотизма и данные опросов показывают, что российские власти установили монополию на определение коллективных суждений и ценностей в стране и нередко используют понятия «государство» и «общество» как взаимозаменяемые. Благодаря пропагандистским усилиям на первый план среди российских коллективных ценностей вышли такие идеалы, как достижение статуса великой державы с его триумфами и победами, отрицание «враждебной» идеологии либеральной демократии и особый путь России. В этом контексте российский патриотизм противопоставляется либерализму и западничеству.

В ходе украинского кризиса власти возродили идею России как осажденной крепости для сплочения общества вокруг консервативного правительства, выступающего за «традиционные ценности». Ранее преобладавшие антимигрантские настроения потеряли свою остроту. Проблемы нетерпимости и ксенофобии в России по-прежнему сохраняются, но негативные чувства теперь нацелены на другие группы. Ответ на вопрос о том, можно ли быть «за нас», но не быть «против них», в России остается отрицательным.

Выделяется еще одна тенденция. У растущего числа россиян патриотизм ассоциируется с поддержкой власти и боевой готовностью. Патриотизм стал сильнее ассоциироваться с защитой страны от «любых нападков и обвинений» и чувством гордости российскими вооруженными силами. Общество введено в состояние патриотической и военной мобилизации против врагов, якобы окруживших страну.

Несмотря на то, что государство усиливает патриотическую риторику и продвигает патриотические инициативы сверху, большинство россиян не согласно, что государство должно определять, что является патриотичным, а что – нет. Для подавляющего большинства россиян патриотизм – глубокое и сокровенное чувство, которое невозможно внушить или пробудить приказом сверху.

Исторический опыт показывает, что состояние мобилизации невозможно удерживать до бесконечности. Период мобилизации рано или поздно закончится, и люди начнут обращать больше внимания на экономические и социальные проблемы, а не на стремление к статусу великой державы или защиту от либеральных ценностей. Вопрос о переосмыслении патриотизма в России пока остается открытым.

Библиография

- Adorno T., Frenkel-Brunswick, E., Levinson, D. J., & Sanford, R. N.* (1950) *The Authoritarian Personality*. Oxford, England: Harpers.
- Amoedo, P.* (2013) *AmericasBarometer Insights 2013: National Pride in the Americas*. <http://www.vanderbilt.edu/lapop/insights/IO899en.pdf>.
- Bader M.* (2006) *The Psychology of Patriotism* // *Phi Delta Kappan*. № 87(8). P. 582–584.
- Barry E.* (2012, November 20) *Putin, in Need of Cohesion, Pushes Patriotism*. *The New York Times* http://www.nytimes.com/2012/11/21/world/europe/vladimir-putin-pushes-patriotism-in-russia.html?_r=0.
- Bar-Tal, D.* (1993) *Patriotism as Fundamental Beliefs of Group Members* // *Politics and the Individual*. № 3(2). P. 45–61.
- Blum D.* (2006) *Official Patriotism in Russia: Its Essence and Implications* // *PONARS Policy Memo No. 420*.
- Винокурова, Е.* (2012) *Повторение посланного*. Сайт Газета.ru. 12 декабря http://www.gazeta.ru/politics/2012/12/12_a_4888605.shtml.
- Viroli, M.* (1995) *For Love of Country: An Essay on Patriotism and Nationalism*. Oxford University Press.
- В администрации президента создано Управление по общественным проектам* (2012) Сайт РИА Новости. 20 октября <http://ria.ru/politics/20121020/904883718.html>.
- В поисках смысла. Новый патриотизм* (2009) Сайт «Искусство Кино» <http://kinoart.ru/archive/2006/01/n1-article2>.
- Гудков, Л.* (2013) *Лев Гудков: Россия для русских: уже не стыдно*. Сайт Levada.ru 20 ноября <http://www.levada.ru/old/20-11-2013/lev-gudkov-rossiya-dlya-russkikh-uzhe-ne-stydno>.
- Добролюбов Н. А.* (1948) *Избранные философские произведения*. Т. 2. Москва.
- Достоевский Ф.М.* Пушкин (1992) // *Русская идея*. С. 144–145.
- Johnston, S.* (2007) *The Truth About Patriotism*. Duke University Press.
- Иванова, С.* (2013) *Мы и Россия. Мы в России, Россия в нас* // *Независимая газета*. 3 декабря http://www.ng.ru/ng_politics/2013-12-03/14_we.html.
- Laruelle, M.* (2009) *Russian Nationalism and the National Reassertion of Russia*. London: Routledge.
- Левашев, В.* (2006) *Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий* // *Социологические исследования*, №8, С. 67–76.
- MacIntyre, A.* (1984) *Is Patriotism a Virtue? (The Lindley Lecture)*, Lawrence: University of Kansas.
- Мальцев, В.* (2012). *Власть одолжила ценности у церкви* // *Независимая газета*. 20 июня http://www.ng.ru/facts/2012-06-20/1_property.html.
- Nathanson, S.* (1993) *Patriotism, Morality, and Peace*. Rowman & Littlefield Publishers.
- Паун, Э.* (2013) *Нелюбовь к ближнему* // *Профиль*. 18 апреля 2013 г. <http://www.profile.ru/obshchestvo/item/75494-nelyubov-k-blizhnemu-75494>.
- Пантелеев, С.* (2004) *Русский консерватизм сегодня* // *Свободная мысль*. №11, С. 45–62.
- Подосенов, С.* (2013) *Оскорбление патриотических чувств хотят приравнять к экстремизму* // *Известия*. 1 ноября <http://izvestia.ru/news/559864>

- Pozdnyakov, E.* (2010) *Putin's Russia Demystified: The Search for Modern Russia*. Liberty Publishing House, New York.
- Путин, В.* (1999) Россия на рубеже тысячелетий. // Независимая газета. 30 декабря http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html.
- Путин, В.* (2012) Послание Федеральному Собранию. Сайт президента России <http://kremlin.ru/transcripts/17118>.
- Rapoport, A.* (2009) Patriotic Education in Russia: Stylistic Move or a Sign of Substantive Counter-Reform? // *The Educational Forum* №73,1. С.141-153.
- Салин, П.* (2013) Духовные скрепы для Евразийского союза. Возможны ли общие ценности ЕАС? // *ЦентрАзия* <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1380516900>.
- Smith, J.* (2013) Can Patriotism Be Compassionate? Сайт Калифорнийского университета в Беркли. 2 июля http://greatergood.berkeley.edu/article/item/can_patriotism_be_compassionate.
- Solovyov, V.* (2010) *The Justification of the Good; An Essay on Moral Philosophy*. Nabu Press.
- Taras, R.* (2008) Nationalism and Conflict. *H. Herb and D. H. Kaplan* (Ред.), *Nations and Nationalism: A Global Historical Overview*. Santa Barbara, CA. С. 14-28.
- Таркин, П.* (2012) Проблема патриотизма в современной России // *Философия образования*. №6. С. 200-207.
- Филина, О.* (2013) Толпа разберется? // *Коммерсант*. 8 апреля <http://www.kommersant.ru/doc/2160898>.
- Fukuyama, F.* (1989) *The End of History? / The National Interest*.
- Фукуяма, Ф.* (2004) *Конец истории и последний человек*. Пер. М.Б. Левина. М.: АСТ.
- Heller, M.* (1988) *Cogs in the Wheel: The Formation of Soviet Man*, (перевод D. Floyd). Collins Harvill, London.
- Horvath, R.* (2013) *Putin's Preventative Counter-Revolution: Post-Soviet Authoritarianism and the Specter of Velvet Revolution*. Taylor & Francis.
- Human Rights Watch* (2013) *World Report, 2012* // Сайт Human Rights Watch <http://www.hrw.org/world-report-2012>.
- Шаповалов, В.* (2008) Российский патриотизм и российский антипатриотизм // *Общественные науки и современность*. №1. С. 124-132.
- Shlapentokh, V.* (2005) Two Simplified Pictures of Putin's Russia // *World Policy Journal*. №22,1. С. 61-72.
- Shlapentokh, V.* (2011) The Puzzle of Russian Anti-Americanism: From "Below" or From "Above" // *Europe-Asia Studies*. №63,5. С. 875-889.
- Толстой, Л.Н.* (1894) *Христианство и патриотизм. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 39*. М.: «Художественная литература», 1956 г.
- Янов, А.* (2013) Проект «Национальная идея». Введение. Сайт Института современной России: <http://imrussia.org/ru/аналитика/общество/1414-project-russian-idea-introduction>
- Zevelev, I.* (2014) The Russian World Boundaries // *Russia in Global Affairs*. №2. <http://eng.globalaffairs.ru/number/The-Russian-World-Boundaries-16707>.